

Copyright © 2016 by Sochi State University



Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 867-873, 2016

Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93(47)

Russian Imperial Modernization: The General and the Specific

Igor V. Poberezhnikov^{a, *}

^a Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the problem of the distinctiveness of Russian modernization in connection with a discussion of Boris Mironov's new monograph, "The Russian Empire: From Tradition to Modernity". There are different theoretical interpretations of the processes of modernization as the transition from traditional to modern society. According to one point of view, the process of modernization is subject to universal laws and is realized according to the same model. In this context it becomes possible to single out a certain standard, to which national variants of modernization can be compared. According to the other point of view, there are various national variants of modernization, caused by national cultural and other features. In the second case the selection of a standard becomes contentious. Mironov is closer to the first point of view. In comparison with the standard model of modernization (which is associated with Western civilization), he draws conclusions about the basic identity of the Western and Russian paths of development, and about the normal, successful, and effective course of Russian modernization. Recognizing that Mironov's interpretation looks more convincing than various versions of Russian pseudo-modernization, the author of the given article turns his attention to the complexity of the first approach in the interpretation of modernization: the underestimation of accident and uniqueness in history; the underestimation of temporal, spatial, and situational variabilities of modernization; underestimation of network effects; and the problematical character of comparison to "the West," which itself produces its own various national variants of modernization.

Keywords: Imperial Russia; modernization; Eurocentrism; comparative historical analysis; explanatory model; network effect; center and periphery; the diversity of modernization processes; social history; methodology.

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в гуманитарном знании, в том числе в историческом, прошли под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многостороннее изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, стилей и стратегий поведения, человеческого восприятия, опыта людей в разных социальных группах, сообществах, культурах, ситуациях. Антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования, увлечению локальной истории, микроисторией. В последнее время, однако, вновь растет интерес к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям, что является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во

* Corresponding author

E-mail addresses: pober1871@mail.ru (I.V. Poberezhnikov)

многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на микромасштаб.

Дело в том, что исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия. Однако исторические персонажи действуют в «обжитой» среде, заполненной унаследованными от прошлого социальными структурами (технологическими, экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т. д.), связанной глобальными зависимостями, обусловленными иерархическим устройством миропорядка, «пронизываемой» эстафетными механизмами, которые создаются самими людьми, теряющими впоследствии индивидуальный контроль за действием данных механизмов. Чтобы увидеть исторических персонажей «в среде», требуется эшелонированный подход, проникающий в прошлое на достаточную глубину, да и не ограничивающийся индивидуальными или локальными масштабами.

К «большой» истории обращается в своей новой трехтомной монографии «Российская империя: от традиции к модерну» и Б.Н. Миронов (Миронов, 2014; Миронов, 2015а; Миронов, 2015б). Издание представляет собой развитие прежде высказанных идей, капитальную переработку и интеграцию предшествующих исследований автора (Миронов, 1999; Миронов, 2012; Миронов, 2013). Это – особенное событие даже по сравнению с предыдущими, не менее интересными работами Б.Н. Миронова, настолько ее отличают комплексность, завершенность, широта охвата проблем, полемический настрой. Как признается сам автор, его общая концепция истории России имперского периода не претерпела коренных изменений в новом издании (Миронов, 2014: 12), тем не менее Б.Н. Миронов существенно обновил доказательный материал, учел современную литературу, сделал новые наблюдения и обобщения, еще более рельефно подчеркнул значение модернизации как вектора движения страны в имперский период.

Исследование базируется на следующих принципах: аналитическо-экспериментальная стратегия, что подразумевает открытую и сознательную теоретическую ориентацию; прагматический взгляд на концепции как на взаимодополняемые специфические подходы, задающие программу и гипотезы исследования, а также определенный ракурс анализа фактического материала (Миронов, 2014: 65); опора в методологическом плане на «неоклассическую модель исторического исследования», ориентированную на синтез социальной, культурной, экономической, политической истории, социально-исторической антропологии, исторической социологии, исторической психологии, междисциплинарный подход, макро- и микроанализ (Миронов, 2014: 12–13); далее – анализ в рамках новой социальной истории; изучение исторических изменений в перспективе длинной, средней и короткой темпоральности с акцентированием внимания на первые две, явное предпочтение системному видению, дающему «общую картину» (ибо «тенденции, смысл и значение исторических событий становятся понятными в контексте, во-первых, истории всеобъемлющей, но рассмотренной под социальным и антропологическим углом зрения, во-вторых, в рамках длинных или средних периодов») (Миронов, 2014: 27); дистанцирование от европоцентризма, прямолинейности, партийности при изучении преобразовательных процессов в стране, оценка их в том числе с точки зрения соответствия экономическим, социальным, психологическим и прочим возможностям и потребностям российского общества (Миронов, 2014: 17); видение российского исторического процесса как поступательного и нормального («Россия – не ехидна в ряду европейских народов, в ее истории трагедий, драм и противоречий несколько не больше, чем в истории любого другого европейского государства») (Миронов, 2014: 13).

Автор проанализировал влияние природно-климатических условий и территориальной экспансии на этносоциальное и экономическое развитие России, особенности социальной стратификации и социальной мобильности, эволюцию социальной структуры, динамику демографических процессов, эволюцию моделей семьи и внутрисемейных отношений, взаимоотношения города и деревни в контексте урбанизации и индустриализации, динамику крепостнических отношений, эволюцию общины и самоуправления, эволюцию российской государственности, становление гражданского общества и правового государства, эволюцию правовых отношений, динамику уровня жизни в стране, коллективные представления и развитие человеческого капитала с конца XVII в. до 1917 г. (заметим, что каждый из указанных вопросов заслуживает монографического изучения).

Схема российской модернизации в имперский период представляется Б.Н. Миронову следующим образом. Автор полагает, что эталонная модель модернизации была предложена западной цивилизацией (Западной Европой и Северной Америкой). Россия, по мнению Б.Н. Миронова, вследствие «европейского происхождения» основ «российской государственности, быта и менталитета», качественного сходства западных и русских национальных традиций и ценностей, была включена в мировой модернизационный процесс и «...в социальном, культурном, экономическом и политическом отношениях... в принципе изменялась в тех же направлениях, что и другие европейские страны» (Миронов, 2015b: 603). В целом российский путь модернизации Б.Н. Миронов оценивает как вполне благополучный и эффективный. Это нормальный исторический маршрут, который, правда, отличается некоторым своеобразием, поскольку Россия с опозданием вступила в процесс модернизации, поскольку страна «живет в другом часовом поясе» по сравнению со странами Запада. Данные автора подтверждают тягость бремени модернизации для населения (особенно в XVIII в.) и в то же время ее оправданность и историческую перспективность. Надо признать, что авторская интерпретация выглядит более убедительно, нежели различные версии российской псевдомодернизации.

Определенные же особенности модернизации страны Б.Н. Миронов видит в росте в российском обществе в течение XVIII–XIX вв. социальной и культурной фрагментации вследствие колонизации и асимметричной вестернизации, в то время как западноевропейские страны развивались в направлении нивелирования местных, региональных, сословных особенностей, интеграции и централизации политического, правового и культурного пространства в единое национальное пространство, в обычной асинхронности социальных изменений, происходивших в России и других европейских странах в XVIII – начале XX в., в вариативности глубины охвата России и других европейских стран различными социальными, экономическими, культурными и политическими процессами. Тем не менее модернизация в России, по мнению Миронова, шла путем успешного утверждения в стране институтов и ценностей европейской цивилизации; страна развивалась нормально и не являлась исключением из правил.

Если воспользоваться схемой шведского социолога и культуролога Й. Форнуса, дифференцирующего общество эпохи модернити на устойчивые структуры; на быстрые, непредсказуемые случайные события; на волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, на собственно направленные, векторные процессы модернизации (Fornäs, 1995: 25), то можно, очевидно, признать, что Б.Н. Миронову в полной мере удалось реконструировать модернизационные тренды в истории России имперского периода.

При этом также очевидно, что хотя автор и отвергает европоцентризм, своеобразной общей моделью модернити, с которой сопоставляется российский вариант модернизации, является именно европейская, западная (или атлантическая) модель. Именно на фоне атлантического «зеркала» российская модернизация обретает качество «нормальности». Несомненно, сравнивать разнообразные варианты модернизации следует; также очевидна продуктивность сопоставления с наиболее успешным для XVIII–XIX вв. западным вариантом модернизации. Однако здесь есть и повод для дальнейших размышлений.

Сторонники современного модернизационного подхода, скорее, стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивают на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся соответственно на различные социокультурные традиции. Действительно, исторические и современные успехи ряда стран незападной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и др.) свидетельствуют в пользу более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту не только стран Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Попытки реинтерпретации модернизационного подхода, лежащие в русле плюралистического, в том числе мультицивилизационного, видения самого процесса перехода от традиционного к современному обществу, неоднократно предпринимались в последнее время. В первую очередь здесь следует упомянуть концепцию «множественных» или «других» модернов, сформулированную одним из разработчиков еще классической версии модернизационной парадигмы Ш. Эйзенштадтом (Эйзенштадт, Шлюхтер, 2007), который попытался в новых

условиях подвергнуть критике традиционные теории модернизации середины XX в., рассматривавшие западный («атлантический») проект модерна в качестве эталона, который неизбежно должен был восторгаться во всех странах, с опозданием включившихся в мировой модернизационный процесс. По мнению Ш. Эйзенштадта, множественные процессы глобализации в современном мире по существу представляют собой последовательные попытки различных движений и элит в своих терминах переосмыслить, по-своему освоить модерн, переформулировать его дискурс. Причем такие попытки, подчеркивает Ш. Эйзенштадт, имели место и в более ранний период, в эпоху становления классических наций-государств, когда также существовали разные типы интерпретации модерна, например по линии дифференциации типов коллективной идентичности или степени аутентичности власти.

Представители современного модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу, т. е. различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотношения традиционализма и инновационизма и т. д. При этом национальное (страновое) своеобразие трактуется скорее как достоинство, а не как ущербность или недостаток (и как условие «нормальности», поскольку современные исследователи придают традиции значение ускорителя процессов развития и общественного стабилизатора). Кстати, подчеркивая «нормальность» и «равнение» на Запад российских модернизаций, Б.Н. Миронов указывает на весьма существенные их особенности, что дает почву для обсуждения страновой модели (или моделей) модернизации.

Далее, представляется, что в монографии имеет место недооценка сетевых эффектов, которые являются обыденностью истории. Под сетевыми эффектами можно понимать взаимодействия и взаимовлияния различных элементов исторической среды, порождающие своеобразие исторического момента. Пусть действительно в XVIII–XIX вв. Россия была исторически относительно молодым обществом. Пусть действительно она стремилась быстрее повзрослеть и использовала в этих целях механизмы диффузии и западные институты и ценности в качестве образцов для подражания (в этом плане страна не была оригинальной; по крайней мере с конца XIX в. диффузия вообще, вероятно, становится в высшей степени значимым двигателем мирового прогресса). Но сопровождалась ли эта диффузия «стиранием» старых институтов и ценностей и заменой их новыми? Думается, не совсем. Скорее происходило сложное взаимодействие между «традиционным» и «современным», которое сопровождалось трансформацией содержания того и другого, перестановкой акцентов в том и другом (в этом, кстати, убеждает и материал монографии). Могла ли возникавшая в результате этого амальгама «старого» и «нового» стать элементарной калькой с того, чем было, например, современное европейское сообщество? Не уверен. Вообще, может ли общество, которое находится не в вакууме, а в конкретном историческом контексте, который в свою очередь оказывает на него свое постоянное воздействие (через конъюнктуру мирового рынка, структуру «мировой системы», конкуренцию в области военных, политических, социокультурных технологий и т. д.), элементарно повторить чей-то исторический путь? Данный вопрос – одно из последствий прочтения монографии Б.Н. Миронова.

Кроме того, принимая Запад за эталон модернити, мы сталкиваемся с другой проблемой. Этот Запад, которому на самом деле не соответствует ни одна из европейских стран, в действительности сам оказывается мифическим и идеализированным. Модернизационные процессы в различных странах Западной Европы и Северной Америки протекали по-разному в разное время: отличались разными скоростями, различной ролью государства, разными механизмами. Данный тезис хорошо иллюстрирует наблюдение М. Малиа по поводу распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*l'ancien régime* – т. е. абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур *modernity*, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преобразался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того,

существует дальний Запад – за Атлантическим океаном, в Америке, – сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений» (Малиа, 2000: 122). Таким образом, возникает законный вопрос: с каким именно «Западом» проводится сравнение?

Кстати, в современной литературе подвергаются переосмыслению понятия «отсталость», «норма», «успех»; высокие темпы культурных, социальных, политических изменений уже не так однозначно квалифицируются как успех, в то время как противостояние изменениям, прочность правительств, стабильность образа жизни и системы ценностей не воспринимаются априорно как отклонение от нормы.

Своеобразие модернизаций в значительной степени зависело от того, какие механизмы развития задействовались на субстрановом, региональном уровне. Неоднородность странового пространства определяет субстрановую вариативность модернизационных процессов. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальным разнообразием модернизационных процессов, вариативностью функционирования территориальных единиц в контексте модернизации. Все сказанное означает, что процессы модернизации нельзя исследовать, абстрагируясь от пространственных характеристик, исходя из гипотетического представления о гомогенности пространства. Напротив, следует учитывать территориальную неравномерность распространения волн модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, таких как индустриализация, урбанизация, бюрократизация, профессионализация, складывание своеобразной региональной структуры модернизации, включающей пространственные центры и периферии развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождавшиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы.

Конечно, в фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова модернизация проанализирована широко, не только с точки зрения имперской столицы; богато представлен материал, иллюстрирующий особенности модернизационных процессов на местах, в регионах. Тем не менее пространственное измерение модернизации нуждается в более глубоком исследовании, поскольку по сути дела можно вести речь о разных региональных моделях модернизации.

Например, характер и динамика модернизации существенно различались на периферии Российской империи (Побережников, 2015). Вариативность была обусловлена размерами регионов, их природно-климатическими условиями, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития. Так, относительно благоприятные для модернизации условия имелись к началу XVIII в. на Урале: достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство природных ресурсов, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски (преимущественно на юге региона, на башкирском и киргиз-кайсацком фронтире). В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то что процессы освоения еще были далеки до завершения. Северо-Западная Сибирь присоединялась к Российскому государству почти одновременно с Уралом, фактически в XVIII в. было покончено с угрозой нападений со стороны «кочевников тундры» – самоедов, однако неблагоприятные климатические условия серьезно затормозили не только освоение, но даже заселение региона русскими, которые оставались немногочисленными до рубежа XIX–XX вв. О модернизации применительно к Северо-Западной Сибири данного периода (даже начала XX в.) можно говорить лишь условно, поскольку население в основной своей массе все еще находилось во власти традиции. Что касается Дальнего Востока, то позднее присоединение не дало возможности для развертывания интенсивных модернизационных процессов в изучаемый период. Поздняя стабилизация границы, позднее формирование демографических основ региона, необходимость решать проблемы обеспечения безопасности не благоприятствовали модернизации, тем не менее во второй половине XIX – начале XX в. заметными становятся явления и процессы, которые связывают именно с модернизацией: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства и т. д. То есть, рассуждая о российской модернизации, не стоит забывать и о России модернизаций.

В целом же в книге Б.Н. Миронова дана широкая панорама истории России XVIII – начала XX в. По существу данная монография – огромный компендиум знаний и познавательных инструментов. Доминирующая идея монографии – Россия развивалась нормально и поступательно, она не являлась исключением из правил – аргументируется практически на всем протяжении исследования, в различных ракурсах, на разных материалах. Б.Н. Миронову удалось, как мне кажется, убедительно пересмотреть многие устоявшиеся в историографии стереотипы. Данная книга – весьма крупное и значимое явление в современной историографии истории России.

Литература

Малиа, 2000 – *Малиа М.* Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 119–131.

Миронов, 1999 – *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.

Миронов, 2012 – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012. 848 с.

Миронов, 2013 – *Миронов Б.Н.* Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М.: Весь мир, 2013. 336 с.

Миронов, 2014 – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 896 с.

Миронов, 2015a – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 912 с.

Миронов, 2015b – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. 992 с.

Побережников, 2015 – *Побережников И.В.* Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А.О. Чубарьян; сост. О.В. Воробьева. М., 2015. С. 179–200.

Эйзенштадт, Шлюхтер, 2007 – *Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В.* Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

Fornäs, 1995 – *Fornäs J.* Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. 312 p.

References

Eizenshtadt, Shlyukhter, 2007 – *Eizenshtadt S.N., Shlyukhter W.* Puti k razlichnym variantam rannei sovremennosti: sravnitel'nyi obzor [*Eisenstadt S.N., Schluether W.* Way to early modernity: a comparative overview] // Prognosis. 2007. Nr 2 (10), pp. 212–226 [in Russian].

Fornäs, 1995 – *Fornäs J.* Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. 312 p.

Malia, 2000 – *Malia M.* Kratkii XX vek [The short twentieth century] // Rossiya na rubezhe XXI veka: Oglyadyvayas' na vek minuvshii [Russia at the turn of the XXI century: Looking back at the past century]. Moscow: Nauka, 2000, pp. 119–131 [in Russian].

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genезis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva [Social history of the Russian Empire (the 18th – early 20th centuries): Genesis of personality, democratic family, civil society and lawful state]: 2 t. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999. T. 1. 548 p.; T. 2. 566 p. [in Russian].

Mironov, 2012 – *Mironov B.N.* Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVII – nachalo XX v. [The well-Being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir, 2012. 848 p. [in Russian].

Mironov, 2013 – *Mironov B.N.* Strasti po revolyutsii: Nravv v rossiiskoi istoriografii v vek informatsii [The passion for the revolution: mores in the Russian historiography in the information age]. Moscow: Ves' mir, 2013. 336 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 1. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2014. 896 p. [in Russian].

[Mironov, 2015a](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 2. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 912 p. [in Russian].

[Mironov, 2015b](#) – *Mironov B.N.* Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 t. T. 3. St. Petersburg: DMITRII BULANIN, 2015. 996 p. [in Russian].

[Poberezhnikov, 2015](#) – *Poberezhnikov I.V.* Periferiinaya modernizatsiya v Rossiiskoi imperii: regional'nye varianty [Peripheral modernization in the Russian Empire: regional variations] // Tsvivilizatsii [Civilization]. Vyp. 10: Modernizatsiya i tsivilizatsionnye vyzovy XXI veka [Modernization and civilizational challenges of the 20th century] / otv. red. A.O. Chubar'yan; sost. O.V. Vorob'eva. Moscow, 2015, pp. 179–200 [in Russian].

УДК 93(47)

Российская имперская модернизация: общее и особенное

Игорь Васильевич Побережников ^{а, *}

^а Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме своеобразия российских модернизаций в связи с обсуждением новой монографии Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну». Существуют разные теоретические трактовки процессов модернизации как перехода от традиционного к современному обществу. Согласно одной точке зрения, процесс модернизации подчиняется универсальным закономерностям и осуществляется по одним и тем же моделям. В данном контексте возможным становится выделять определенный эталон, с которым могут сравниваться страновые варианты модернизации. Согласно другой точке зрения, существуют различные страновые варианты модернизаций, обусловленные национальными, культурными и другими особенностями. Во втором случае выделение эталона становится спорным. Миронов ближе к первой точке зрения. Сравнивая с эталонной моделью модернизации (которая связывается с западной цивилизацией), он делает вывод о принципиальном тождестве западного и российского путей развития, о нормальном, благополучном и эффективном ходе российской модернизации. Признавая, что интерпретация Миронова выглядит более убедительно, нежели различные версии российской псевдомодернизации, автор данной статьи обращает внимание на сложности первого подхода в трактовке модернизации: недооценка случайности и уникальности в истории, недооценка темпоральной, пространственной, ситуативной вариативности модернизаций, недооценка сетевых эффектов, проблематичность сопоставления с «Западом», который сам представляет собой множество различных страновых вариантов модернизаций.

Ключевые слова: имперская Россия; модернизация; европоцентризм; сравнительно-исторический анализ; объяснительная модель; сетевой эффект; центр и периферия; разнообразие модернизационных процессов; социальная история; методология.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pober1871@mail.ru (И.В. Побережников)